

ПОСЛЕДНИЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

ЗАПИСКИ ФЕЗЕНСАКА, 1813–1814

РАЙМОН
ДЕ МОНТЕСКЬЮ-ФЕЗЕНСАК

Раймон Эмери де
Монтескью-Фезенсак

**Последние битвы Империи.
Записки Фезенсака, 1813–1814**

«Автор»

2026

де Монтескью-Фезенсак Р.

Последние битвы Империи. Записки Фезенсака, 1813–1814 / Р. де Монтескью-Фезенсак — «Автор», 2026

Третья, заключительная книга серии «Записки Фезенсака» охватывает 1813–1814 годы — последние кампании Наполеона в Германии. Раймон де Монтескью-Фезенсак (Raymond de Montesquiou-Fezensac), вчерашний полковник, становится одним из самых молодых генералов армии. Его путь проходит через малоизвестную кампанию на Нижней Эльбе и бои за Гамбург, через победу под Дрезденом и катастрофу при Кульме. Это книга о человеке, который остаётся солдатом Империи до последнего дня. О службе адъютантом маршала Нея и о походе в Россию — в предыдущих книгах серии «Записки Фезенсака».

© де Монтескью-Фезенсак Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие автора	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА I	6
ГЛАВА II	9
ГЛАВА III	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Раймон Эмери де Монтескью-Фезенсак

Последние битвы Империи.

Записки Фезенсака, 1813–1814

Предисловие автора

Написано к полному изданию «Военных воспоминаний», охватывающему кампании 1804–1814 годов. Оно относится ко всем трём книгам настоящего издания и приводится также в первой из них.

Благожелательный приём, оказанный моему «Дневнику похода в Россию», побуждает меня опубликовать все мои военные воспоминания — от поступления на службу в 1804 году и до конца Империи. Я долго колебался, стоит ли занимать читателя столь личными подробностями; но эти подробности неразрывно связаны с большими военными событиями, они отражают нравы и дух того времени. Не имея намерения что-либо добавить к «Истории Консульства и Империи» и тем более не претендуя разделить её блестящий и заслуженный успех, доброволец 1804 года, рассказывающий о том, что происходило на его глазах, надеется хотя бы на некоторую снисходительность читателя!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

Реорганизация армии. — Моё назначение бригадным генералом и направление в армию под Гамбургом.

Короткое пребывание в Париже зимой 1813 года оставило во мне глубокие и печальные воспоминания. Я застал свою семью, друзей и всё общество охваченными ужасом. Знаменитый 29-й бюллетень внезапно известил Францию о гибели Великой армии. Император более не был непобедим. Пока мы гибли в России, другая армия медленно таяла в Испании, а в самом Париже какой-то безвестный заговорщик едва не захватил власть¹. Кампания 1813 года вот-вот должна была начаться² — и при каких обстоятельствах! Измена Пруссии уже не вызывала сомнений, союз с Австрией оставался по меньшей мере весьма неопределённым, а истощение Франции росло вместе с числом её врагов. Рассказы офицеров, переживших бедствия отступления, ещё больше усиливали страх. Париж, привыкший за пятнадцать лет к победным гимнам, каждый день с мучительным изумлением узнавал подробности какого-нибудь нового общественного или частного несчастья. Карнавальные развлечения прекратились; каждый заперся у себя дома, поглощённый нынешними бедами и тревогой за будущее. Среди всеобщего смятения всех неприятно поразило, что Император устраивает празднества в Тюильри. Это было оскорблением народной скорби и проявлением жестокой бесчувственности к стольким жертвам. Я навсегда запомню один из этих мрачных балов, где мне чудилось, будто собравшиеся пляшут на могилах.

Впрочем, Император с изумительной энергией, достойной его гения, использовал своё пребывание в Париже. История поведает, что за армия явилась по его зову и какие блестящие успехи последовали за столькими неудачами. Уже в феврале сенатус-консулт предоставил в распоряжение военного министра 350 000 человек — как из рекрутов нескольких призывных лет, так и из первого бана³ национальной гвардии, сведённого в когорты в начале 1812 года; из них создали 34 новых пехотных полка. К этому огромному набору добавились добровольные пожертвования людьми и лошадьми. Крупные города и провинции соперничали в усердии, ибо не следует приписывать все эти приношения одному лишь страху или угодничеству. Наши поражения пробудили национальную гордость. Франция хотела сделать последнее усилие, чтобы добиться почётной мира. 10 000 молодых людей, экипированных за свой счёт, составили кавалерийский резерв под названием почётной гвардии. Четыре наблюдательных корпуса были сформированы на Эльбе, в Иллирии и на Рейне. Туда направили запасные батальоны — либо целиком, либо отдельными ротами. Из Испании были отозваны командный состав батальонов и эскадронов, а также несколько полков молодой гвардии. 3000 офицеров и унтер-офицеров жандармерии перевели в линейные войска. Полки морской артиллерии были преобразованы в пехотные. Из арсеналов и крепостей доставили всё имевшееся в распоряжении военное имущество. Во Франции и Германии предписали пополнить конский состав.

¹ Речь идёт о генерале Клоде-Франсуа де Мале (1754–1812), который в ночь на 23 октября 1812 года объявил о гибели Наполеона в России и попытался захватить власть в Париже. Заговор был подавлен в тот же день, а Мале расстрелян. (Прим. пер.)

² Как и в случае с кампанией 1812 года, можно обратиться к атласу г-на Тьера или к атласу генерала Г. де Водонкура. (Прим. авт.)

³ Согласно сенатус-консульту 1812 года, национальная гвардия делилась на три разряда (бана) по возрасту. Первый бан составляли молодые люди, не призванные в армию; их свели в когорты для внутренней обороны страны, а в 1813 году использовали для пополнения действующей армии. (Прим. пер.)

Среди этих грандиозных военных приготовлений все мои мысли были заняты моим полком. Дни проходили в хлопотах о наградах для офицеров, столько раз заслуживших их у меня на глазах, и о достойных пенсиях для тех, кто уже не мог продолжать службу. Многочисленные вакансии я заполнял знакомыми мне офицерами, на которых мог положиться, и готовился вернуться в своё депо⁴ в Нанси, чтобы руководить этой реорганизацией.

Однажды граф де Нарбонн, адъютант Императора, сказал герцогу Фельтрскому⁵, что следует воспользоваться случаем и добиться моего производства в бригадные генералы. Мой тесть ответил ему, что я и полугода не пробыл полковником и что он никогда не позволит себе обратиться со столь нескромной просьбой. Г-н де Нарбонн, однако, не счёл дело проигранным; он отправился прямо к Императору и сказал ему, что, поскольку тот, по-видимому, остался мною доволен, следует испытать меня на более высокой должности, весело добавив:

— Риск невелик: от ещё одного плохого бригадного генерала армия не погибнет.

Маршал Ней, которого призвали в свидетели, любезно заверил, что армия не рискует даже этим.

Через несколько дней мой тесть сообщил мне о моём назначении, которое стало для него таким же неожиданным, как и для меня самого. Те, кому известно бескорыстие герцога Фельтрского, не удивятся его поступку. Нечасто увидишь военного министра, предоставляющего другим заботу о продвижении по службе собственного зятя. Я был польщён столь благородной наградой за моё усердие, но испытал живое сожаление от необходимости так скоро расстаться со своим полком и снять мундир, который был мне столь дорог.

Меня определили в 5-й корпус, которым в Магдебурге командовал генерал Лористон, и я немедленно отправился к нему.

Я остановился в Нанси, в депо 4-го полка. Командный состав, который я оставил в Кюстрине⁶, как раз прибыл туда; офицеры устроили мне обед, чтобы отпраздновать моё назначение и проститься со мной. Я с волнением расставался с этими благородными товарищами по славе и несчастьям, ибо слишком хорошо предвидел, что для многих из них это прощание будет вечным.

Я оставил 4-му полку 45 000 франков сбережений. В то время через полки проходило множество людей, а полковые хозяйственные советы ведали огромным количеством закупок и пошива обмундирования. Это позволяло делать значительные сбережения, не нанося ущерба интересам солдата. Эти тайные фонды всегда запрещались, но искоренить их так и не удалось. Когда ими распоряжались честно и разумно, они становились огромным подспорьем. За время моего недолгого командования я использовал их лишь для того, чтобы выдать по 100 франков каждому офицеру, вернувшемуся из России, и по 200 франков каждому старшему офицеру.

Эти столь ценные сбережения были полностью растрочены одним из моих преемников. В душе я навсегда сохранил к нему неприязнь — в утешение за то, что не называю здесь его имени.

Я продолжил свой путь через Майнц, Кассель и Брауншвейг и присоединился к генералу Лористону в Магдебурге.

В мою задачу не входит подробно рассказывать о передвижениях армии во время моего отсутствия. После отъезда Неаполитанского короля⁷ в январе вице-король⁸ принял в Позене⁹ ко-

⁴ Депо полка — тыловая база полка, которая использовалась для пополнения, набора рекрутов, обучения новобранцев, а также для хранения резервов, снаряжения и оружия. (Прим. пер.)

⁵ Анри-Жак-Гийом Кларк (1765–1818) — герцог Фельтрский, военный министр Наполеона I, при Реставрации — маршал Франции. (Прим. пер.)

⁶ Кюстрин — в настоящее время Костшин-над-Одрой, Польша. (Прим. пер.)

⁷ Иоахим Мюрат (1767–1815) — маршал Империи при Наполеоне I, великий герцог Берга в 1806–1808 годах, король Неаполя в 1808–1815 годах. (Прим. пер.)

⁸ Эжен (Евгений) де Богарне (1781–1824) — пасынок Наполеона, вице-король Италии. (Прим. пер.)

мандование этими печальными остатками армии. Их ещё больше ослабили гарнизоны, которые пришлось оставить в крепостях, и уход австрийцев, вернувшихся в Галицию.

Вице-король проявил мужество и искусство: он продолжал отступление, не давая противнику расстроить свои ряды, и до самого конца сдерживал враждебные намерения Пруссии, которой его слабая армия едва ли могла внушить опасение. Он последовательно оставил линию Варты, линию Одера, Берлин и всю Пруссию, чтобы занять позицию за Эльбой. Там собралось 50 000 человек. У русских, которых уже несколько месяцев косил тиф, было не более 60 000, но к ним только что присоединились пруссаки. Их подкрепления и наши подходили форсированными маршами; ожидали прибытия Императора, и мы стояли на пороге величайших событий. На берегах Эльбы или Заале должна была решиться судьба Европы.

Генерал Лористон определил меня в дивизию генерала Мезона, первую в его корпусе.

Эта дивизия состояла всего из трёх недавно сформированных полков — 151-го, 152-го и 153-го; к тому же 152-й был откомандирован в Бремен.

Таким образом, я остался бы без назначения, если бы не добился у вице-короля разрешения самому отправиться в Бремен, принять командование 152-м полком и привести его обратно, как только там в нём отпадёт надобность.

Эта миссия, временно удалив меня от Великой армии, позволила мне принять участие в Гамбургской кампании, о которой я сейчас и расскажу.

⁹ Позен — в настоящее время Познань, Польша. (Прим. пер.)

ГЛАВА II

Восстание в 32-м военном округе; оставление Гамбурга. — Генерал Вандам и князь Экмюльский прибывают в Бремен. — Стычки на аванпостах. — Взятие Гамбурга. — Переговоры с Данией.

Ещё в 1810 году Наполеон присоединил к Империи территорию ганзейских городов, образовав из них 32-й военный округ. Эта мера была необходима, чтобы сделать континентальную блокаду полной, но она возмутила всех жителей. Их гордость была уязвлена. Континентальная блокада и конфискация английских товаров разоряли торговлю. Нигде гнёт Наполеона не был столь ненавистен, а его колоссальное могущество лишало всякой надежды когда-либо от него избавиться.

Бедствия 1812 года, столь стремительные и столь неожиданные, показались им чудом Провидения, свершившимся в их пользу. Молва преувеличивала их; те, чьи надежды они исполняли, охотно верили самым нелепым известиям: армия уничтожена; Император спасся один, переодевшись крестьянином; Пруссия и Австрия присоединяются к России; вся Германия восстаёт.

Эти рассказы вызвали всеобщее брожение. Пока неприятель не показывался, это было ещё полбеда, а положение армии на Эльбе должно было оградить Гамбург от такой опасности. Но вместо того чтобы защищать столь важный пункт, вице-король полностью оголил нижнее течение Эльбы и расположил свои войска между Дрезденом и Магдебургом. Каковы бы ни были его мотивы, последствия этого решения оказались весьма пагубными. Генерал Теттенборн двинулся на Гамбург по правому берегу Эльбы, оттесняя перед собой генерала Морана¹⁰, который занимал Шведскую Померанию. Отряд Теттенборна вскоре пополнился восставшими крестьянами, мекленбуржцами и несколькими пруссаками, которые не стали дожидаться, пока их король объявит войну.

Одновременно англичане высадились в устьях Эльбы и Везера, захватили форты и батареи Бремерлее¹¹ и Блексена и подняли край на восстание. Оно стало всеобщим и вспыхнуло даже в самом Гамбурге, где командовал генерал Карра-Сен-Сир¹². Восстание подавили, и зачинщики поплатились за него головой. Раздражение от этого лишь возросло, и генерал Карра-Сен-Сир, окружённый опасностями, счёл невозможным удержать Гамбург. Его за это упрекали, но у него было всего 1000 человек, почти никакой артиллерии, и ничего не было подготовлено к обороне. Всё было отправлено в Великую армию. Да и кто мог предвидеть в октябре, когда Император был хозяином Москвы, что в феврале следующего года придётся сражаться на Эльбе и Везере!

Итак, Карра-Сен-Сир оставил Гамбург 12 марта 1813 года. Моран переправился через Эльбу у Цолленшпикера и соединился с ним у Артленбурга¹³. Затем Моран остановился в Люнебурге, а Карра-Сен-Сир — в Бремене. Вдвоём они едва смогли собрать 2000 человек.

Теттенборн вступил в Гамбург, и можно представить себе, как его встречали. Женщины целовали лошадей казаков, да и самих казаков, что было уже и вовсе необыкновенно. Горо-

¹⁰ Жозеф Моран (1757–1813) — дивизионный генерал. Был смертельно ранен в бою под Люнебургом в апреле 1813 года. Его не следует путать с Шарлем-Антуаном Мораном (1771–1835), знаменитым генералом из корпуса маршала Даву. (Прим. пер.)

¹¹ Бремерлее (Лее) — селение в устье Везера, ныне район Бремерхафена, Германия. При французах, с 1811 года, оно входило в департамент Устье Везера и было центром одноимённого округа. (Прим. пер.)

¹² Клод Карра-Сен-Сир (1760–1834) — дивизионный генерал. Его не следует путать с маршалом Гувьоном Сен-Сиром (1764–1830). (Прим. пер.)

¹³ В оригинале — «Altenbourg»; вероятно, речь идёт об Артленбурге, местечке на левом берегу Эльбы близ Лауэнбурга. (Прим. пер.)

жане оспаривали друг у друга честь поселить у себя офицеров и даже солдат. Прежнее правительство было восстановлено, порт открыт для английских товаров; жители отдавали всё, чем владели, на покрытие военных расходов; был сформирован Ганзейский легион, и молодые люди поголовно записывались в него.

Генерал Карра-Сен-Сир, отступивший в Бремен, попытался взять реванш. Отправленная им колонна между Эльбой и Везером изгнала англичан из Блексена; более 200 вооружённых крестьян погибли в этом бою. Но в то же время генерал Моран был окружён под Люнебургом генералами Дёрнбергом и Бенкендорфом и взят в плен вместе со всеми своими войсками.

Нетрудно уничтожить 1000 человек, имея 4000; но для нас потеря была значительной, а её моральное воздействие — ещё более пагубным. Наши войска были деморализованы, а уверенность врагов и восставших возросла. Со стороны союзников эта война уже приобретала идейный характер.

Жители Ганновера взялись за оружие; против них готовились принять суровые меры. Генерал Дёрнберг написал французским генералам, что ганноверцы всего лишь повиновались приказам русского императора, взявшись за оружие в пользу своего законного государя, английского короля, и что за обращение с ними ответят французские пленные. Россия несколько поспешно забыла об Эрфуртском договоре, по которому она признала короля Вестфалии¹⁴ государем Ганновера.

Эта неудача сделала наше положение в Бремене столь же критическим, каким оно было в Гамбурге, и нам едва не пришлось оставить Бремен. Такой шаг был бы ещё более пагубным: восстание распространилось бы на Ганновер, а затем и на всю Вестфалию; линия сообщения Великой армии с Рейном оказалась бы перерезана. Последствия этого проявления слабости были бы неисчислимы. Но появился другой генерал, который вовремя этому помешал.

С первых же дней опасности Император направил в Бремен все войска, находившиеся в северных департаментах. Туда же был направлен и армейский корпус, формировавшийся в Везеле, командование которым принял генерал Вандам.

Никто не подходил для войны такого рода лучше него. Ещё в первых кампаниях Революции он отличился блестящей храбростью, неутомимой деятельностью, военными познаниями, умом и немалым честолюбием. К этим качествам, к сожалению, примешивался буйный и непокорный характер. Его даже упрекали в весьма жестоких поступках во время первых войн Революции. Однако я полагаю, что он был скорее вспыльчивым, чем злым; мне даже довелось узнать о его привлекательных чертах: он был хорошим мужем, хорошим отцом, верным другом.

Его продвижение по службе не соответствовало ни его талантам, ни его заслугам. Его неукротимый характер вредил ему в глазах Императора. «Право же, — говорил Наполеон, — я не мог бы иметь двух Вандамов: они дрались бы до тех пор, пока один не убил бы другого».

Вандам приписывал преимущества, которые получали его товарищи по службе, лишь несправедливости и интригам, чем был весьма раздражён. В 1812 году он командовал вестфальцами под началом короля Жерома и разделил его опалу. По возвращении в Париж Император вновь призвал его на службу, принял его весьма благосклонно и поручил ему командование войсками, предназначенными для 32-го военного округа.

Это столь важное назначение вернуло ему прежний пыл; он решил, что настал момент завоевать маршальский жезл и титул герцога, которых так давно добивался.

Именно в таком прекрасном расположении духа я и застал его в Бремене, куда мы были одновременно.

Я провёл вечер, беседуя с ним, а вернее, слушая его, ибо разговор всегда сводился к одному: любой ценой удержать Бремен, внушать противнику уважение своей твёрдостью, смело действовать в поле, восполнять малочисленность войск своим рвением и дерзостью, пока

¹⁴ Жером Бонапарт (1784–1860) — младший брат Наполеона, король Вестфалии в 1807–1813 годах. (Прим. пер.)

прибытие подкреплений не позволит нам атаковать Гамбург; таков был его план. Сейчас мы увидим, с какой энергией он его осуществлял. Но сначала я должен сказать несколько слов о своём собственном положении и о составе войск.

Армейский корпус генерала Вандама должен был состоять из дивизий Карра-Сен-Сира, Дюфура и Дюмонсо, общей численностью более 20 000 человек. В тот момент в Бремене едва насчитывалось 4000 человек; вот их состав.

152-й полк, сокращённый до трёх батальонов, поскольку четвёртый был взят в плен вместе с генералом Мораном. Этот полк, сформированный из когорт, состоял из солдат в расцвете сил, большей частью высоких и крепкого сложения; но для одновременного формирования такого множества новых частей пришлось набрать офицеров всех званий из числа отставных и уволенных в запас. Можно себе представить, каков был физический и нравственный состав такого офицерского корпуса. Подпоручики, только что вышедшие из Фонтенбло, были новичками, а остальные офицеры, за некоторыми достойными исключениями, — невежественными, изнурёнными или отупевшими.

Два батальона таможенников — превосходных солдат — и один батальон моряков, отличавшихся как дисциплиной, так и храбростью.

Наконец, два маршевых батальона, сформированных из рот, взятых из депо различных полков, — неудачная организация, лишённая слаженности, к которой пришлось прибегнуть по необходимости.

Этой небольшой дивизией командовал генерал Карра-Сен-Сир; бригадными генералами при нём были принц Рейсс¹⁵ и я. Принц Рейсс, принадлежавший к владетельному дому этого имени, был молодым полковником на французской службе, которому за его весьма выдающиеся военные способности поручили должность, превосходившую его чин. До этого он служил в австрийской армии адъютантом эрцгерцога Карла, и в медлительности его распоряжений ещё немного чувствовались немецкие привычки. Но когда наступал момент исполнения, ничто не могло сравниться с его энергией, умом и меткостью его взгляда. Манеры его были приятны, характер — доброжелателен и лёгок. Для меня эта встреча стала большой удачей. С первого же дня он проявил ко мне расположение и внимание. Я дорожил этой дружбой, зародившейся на аванпостах, которую его славная смерть слишком рано оборвала.

Моё назначение генералом было столь неожиданным, а отъезд в армию — столь поспешным, что у меня не было времени подыскать себе адъютанта. Перед отъездом из Парижа моя кузина, г-жа д'Удето, попросила меня взять к себе её сына, г-на Франса д'Удето¹⁶, молодого офицера, уже весьма отличившегося. Он участвовал в кампании в России в чине капитана штаба 1-го корпуса и остался в армии при князе Экмюльском¹⁷. С этим поручением я отправился в путь и разыскал его в Бремене. К сожалению, князь Экмюльский одновременно затребовал его к себе; я неохотно уступил его князю, и обстоятельства обернулись так, что сам д'Удето пострадал от этого решения: я, несомненно, добился бы его производства в командиры эскадрона на смотре у Императора в июле, во время перемирия, и следующую кампанию он начал бы в новом чине. Но, оказавшись запертым в Гамбурге вместе с князем Экмюльским, он значительно задержался в продвижении по службе.

Временно я взял себе в адъютанты подпоручика 152-го полка по фамилии Шабран, только что окончившего училище; он происходил из весьма почтенной семьи в Пинероло. Никогда в жизни я не видел человека столь неопытного и ничего столь забавного, как контраст между его полным невежеством во всём и его живостью пьемонтца. Поначалу он был мне мало

¹⁵ Генрих LXI, принц Рейсс-Кёстриц (1784–1813). (Прим. пер.)

¹⁶ Впоследствии он стал дивизионным генералом и адъютантом короля Луи-Филиппа. (Прим. авт.)

¹⁷ Луи-Николя Даву (1770–1823) — герцог Ауэрштедтский, князь Экмюльский, маршал Империи, генерал-полковник пеших гренадеров императорской гвардии. Имел прозвище «Железный маршал». (Прим. пер.)

полезен и лишь выводил меня из терпения; но его доброе сердце и усердие привязали меня к нему, и в конце концов я оставил его при себе.

Наша небольшая армия выступила из Бремена 2 апреля и следующие две недели провела в маршах и контрмаршах. 7 апреля Карра-Сен-Сир находился в Ротенбурге, а я — на аванпостах, в Шесселе, в 10 лье¹⁸ от Гамбурга. Мы простояли там три дня, но неприятель так и не появился. Это обманчивое спокойствие предвещало серьёзную атаку. Генерал Карра-Сен-Сир получил об этом известие и решился на отступление, в котором я всё время командовал арьергардом.

Сразу после его ухода 30 жандармов, которых он неосмотрительно оставил в Ротенбурге, были захвачены казаками; в последующие дни те не переставали меня тревожить. Известно, что казаки никогда не атакуют войска, находящиеся на чеку. Но они умеют воспользоваться малейшей неосторожностью, и перед ними ошибка недолго остаётся безнаказанной. Я знал эту малую войну и не боялся их. В конце концов они лишь проводили меня до самых ворот Бремена.

15 апреля дивизия заняла позицию: правый фланг — у Ахима, с опорой на Везер, левый — у Теневера, на гамбургской дороге; перед фронтом лежали болота, через которые проходит эта дорога.

Генерал Вандам пришёл в ярость на генерала Карра-Сен-Сира и обрушился на него с суровыми упрёками. Я не видел ничего более несовместимого, чем эти два генерала: кипучая отвага первого не могла ужиться с несколько боязливой осторожностью второго. Однако следует признать, что в данном случае отступление было вполне оправданным. Генерал Бенкендорф выступал из Гамбурга с Ганзейским легионом, многочисленным отрядом казаков и несколькими орудиями; в то же время генерал Дёрнберг вернулся в Люнебург, занял Целле и выдвинул свой авангард до Фердена. Генерал Карра-Сен-Сир оказался один, далеко выдвинувшимся по гамбургской дороге, с 3000 человек, в 12 лье от Бремена. Отступление было предпочтительнее поражения, особенно в сложившейся обстановке в стране.

16 апреля принц Рейсс после довольно ожесточённой стычки выбил казаков из Фердена. Вскоре генерал Себастьяни, командовавший левым флангом Великой армии, вошёл в Целле и отбросил Дёрнберга за Аллер. В поддержку этого движения Вандам распорядился произвести усиленную разведку в направлении Ротенбурга; генерал Карра-Сен-Сир приказал мне выступить вперёд с четырьмя батальонами, наказав не заходить слишком далеко. 22 апреля я встретил казаков перед Оттерсбергом; я отбросил их на пехоту, расположенную позади города, а та, в свою очередь, отступила к Висте¹⁹. Здесь завязалась перестрелка, после чего неприятель в полном порядке отступил и остановился чуть более чем в лье от Ротенбурга.

Передо мной было более 2000 пехотинцев, два эскадрона кавалерии и несколько орудий. Я доложил об этом генералу Карра-Сен-Сиру, который остановил бригаду Рейсса в Зоттруме, в двух лье позади меня (эта бригада состояла из нескольких батальонов моряков и таможенников). Я заверил его, что атака всей дивизией увенчается успехом и позволит нам овладеть Ротенбургом. Такого же мнения придерживался и принц Рейсс, но генерал не согласился. Он полагал, что при дурном настроении населения малейшая неудача будет для нас губительна и что следует дожидаться подкреплений, чтобы сражаться наверняка.

Вскоре после этого он покинул армию; я сохранил самые добрые воспоминания о наших отношениях.

Тем временем подкрепления прибывали к нам со всех сторон, и меры правительства соответствовали развёртыванию военных сил. 10 апреля сенатус-консульт приостановил действие конституционного порядка в 32-м военном округе. Главнокомандующему была поруче-

¹⁸ Лье (или лё) — старинная французская мера длины. Равна 4,44 км. (Прим. пер.)

¹⁹ В оригинале — «Wyster»; вероятно, речь идёт о реке Висте, притоке Вюмме. (Прим. пер.)

чена высшая полицейская власть с самыми широкими полномочиями. Издавать необходимые постановления с применением наказаний, предусмотренных Уголовным кодексом; временно отстранять и заменять гражданские власти; налагать чрезвычайные контрибуции; при необходимости брать заложников и принимать иные меры, дозволенные военным временем, — всё это входило в его полномочия.

Назначение князя Экмюльского довело суровость этих мер до крайности. Никто лучше него не умел неукоснительно исполнять столь жёсткие предписания и широко толковать всё то произвольное, что в них содержалось. Он поспешил прибыть в Бремен. Командование войсками осталось за генералом Вандамом.

Легко представить, с каким недовольством Вандам воспринял то, что оказался под началом маршала. Это приводило к постоянным трениям, которые повредили бы службе, если бы не терпение князя Экмюльского. Однажды Вандам явился к нему, багровый от гнева, и, не поздоровавшись, в присутствии принца Рейсса и меня устроил бурную сцену из-за того, что маршал написал напрямую одному из подчинённых ему генералов. Он заявил ему:

— Когда маршал имеет честь командовать таким генералом, как я, он должен оказывать ему уважение! Я не намерен так служить. С этой минуты я больше не состою под вашим началом!

Князь Экмюльский едва мог вставить слово в своё оправдание. Он послал своего начальника штаба, генерала Лавиля, попытаться успокоить Вандама, а нам лишь растерянно сказал:

— Господа, ради службы Императору нужно уметь терпеть.

Незадолго до этого Наполеон написал ему: «Старайтесь щадить Вандама; военных людей становится мало». Совет пришёлся как нельзя кстати и пошёл впрок.

Настало время серьёзно перейти в наступление, и сосредоточение войск в Бремене должно было обеспечить успех. Помимо нашей дивизии, командование которой было поручено старому голландскому генералу, дивизия Дюфура занимала Бремен, а дивизия Дюмонсо вступала в линию справа от нас. Всего эти войска насчитывали около 18 000 или 20 000 человек.

26 апреля мы двинулись вперёд. Принц Рейсс возглавлял авангард; моя бригада шла во второй линии, а наш новый генерал скорее следовал за нами, чем командовал. Это был голландский служака, невежественный и грубый, совершенно ни на что не способный. Я не могу понять, зачем генерала Карра-Сен-Сира заменили человеком, настолько уступавшим ему во всех отношениях.

Вражеские стрелки слабо обороняли Оттерсберг и ручей Висте у Зоттрума. Выйдя на равнину, мы обнаружили пехоту, построенную в боевой порядок, при нескольких орудиях. Я вступил в линию и занял левую сторону дороги; у нас едва насчитывалось 4000 человек, без кавалерии. Мы построились в атакующие колонны и, не удостаивая вниманием артиллерию противника, двинулись вперёд быстрым шагом. Неприятель не стал дожидаться удара, и мы преследовали его до Ротенбурга, куда вечером вошли с боем. Мы потеряли мало людей, и этот первый успех привёл наших молодых солдат в восторг.

Я могу лишь с похвалой отзываться о принце Рейссе, который в течение всего этого дня проявлял ко мне такое же почтение, как если бы я командовал дивизией. Со своей стороны, я вовсе не стремился дать ему почувствовать превосходство моего чина; мы действовали по-братски, без претензий и самолюбия, довольные тем, что разделили славу этого дня. Смеею сказать, остаётся лишь сожалеть, что такое поведение не послужило примером для других генералов в более важных обстоятельствах.

Ротенбург был отчасти разграблен. Беспорядки такого рода трудно предотвратить в городе, который берут силой после утомительного дня и в опьянении от первой победы. Как бы то ни было, грабежи продолжались и на следующее утро, когда прибыли князь Экмюльский и генерал Вандам. Последний не обратил на это внимания, но князь Экмюльский, питавший отвращение к грабежам, сделал нам строгий выговор и, поймав на месте преступления одного

рекрута и одного таможенника, сказал, что нужно непременно расстрелять одного из них в назидание другим.

Бросили жребий; он пал на таможенника, которого тут же расстреляли. Он был отцом семейства и присоединился к армии лишь накануне.

Одна лишь необходимость восстановить дисциплину не может оправдать казни без суда, когда воля человека подменяет волю закона. Иногда бунт, трусость или жестокость по отношению к жителям могут её оправдать; но генералы никогда не должны забывать, что подобный поступок — преступление, если только он не продиктован долгом.

27-го дивизия находилась в Шесселе, 28-го — в Тошtedте. Принц Рейсс преследовал неприятеля до самого Харбурга, расположенного на левом берегу Эльбы. Рота вольтижёров 152-го полка первой подошла к крепостной стене. Подпоручик г-н Руль переправился через ров с помощью шеста, оказавшегося под рукой, и опустил подъёмный мост. Укрепление было взято. Наша дивизия и дивизия Дюфура соединились в Харбурге. В то же время справа от нас, у Цолленшпикера, подходила дивизия Дюмонсо. Были захвачены два английских судна, и стремительность этих первых успехов обеспечивала нам взятие Гамбурга, которое на деле задержалось лишь из-за осторожности, требовавшейся от нас в силу политических отношений с Данией.

Дания, связанная с Францией договором о взаимных гарантиях, вызывала подозрения у союзников. Когда они заняли Гамбург, её положение стало затруднительным. Король обратился за советом к Наполеону, и тот честно ответил ему, что, не имея возможности в этот момент его защитить, разрешает ему уступить всем требованиям, необходимым для спасения его владений. Россия сначала потребовала, чтобы Дания защищала Гамбург от Франции, и датская дивизия вошла в город; но целью союзников было добиться уступки Норвегии, и они без колебаний потребовали этого. Франция, со своей стороны, начала с Данией переговоры о наступательном и оборонительном союзе. Между тем в интересах этих переговоров было не предпринимать никаких действий против датской дивизии, находившейся в Гамбурге. Эту передышку использовали для доставки артиллерии, приведения Харбурга в состояние обороны и подготовки средств для нападения на острова, отделяющие Гамбург от Харбурга.

Дивизия Дюмонсо оставалась на правом фланге, вдоль Эльбы, до Винзена²⁰; дивизия Дюфура и бригада Рейсса — в Харбурге вместе с главнокомандующим. Меня поставили наблюдать за неприятелем в Морбурге, в одном лье слева от Харбурга.

²⁰ В оригинале — «*Veinse*»; вероятно, речь идёт о Винзене-на-Луэ, Германия. (Прим. пер.)

ГЛАВА III

Моя бригада занимает Штаде и изгоняет англичан из Куксхафена. — Взятие острова Вильгельмсбург. — Договор с Данией. — Капитуляция Гамбурга. — Бой при Бергедорфе. — Бой при Гестхахте. — Перемирие. — Любек. — Я перехожу в 1-й корпус Великой армии.

Несмотря на эти первые успехи, нам было ещё далеко до покорения территории между Везером и Эльбой. Англичане занимали укрепления Куксхафена в устье Эльбы. По деревням бродили небольшие отряды восставших; контрабанда безнаказанно процветала; контрибуции не выплачивались. Необходимо было положить конец всем этим беспорядкам. Генерал Вандам поручил это мне. Он дал мне 2000 человек и два орудия, с которыми я должен был пройти по этому краю и вновь овладеть Куксхафеном.

Первым делом нужно было занять

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.